

С5-902.7

256

ПРУЖЕНИЦА
ВОСТОКА

В.Н.ДОБРЯНСКИЙ

ОЙРАТКА

ИЗД. "ОХРАНА МАТЕРИНСТВА И
МЛАДЕНЧЕСТВА" МОСКВА.

396
A-56

CS-902.7

386

D-56

396

396 Добрянский

A-56

397 Ойратка

386

397 386

1. Общий очерк Ойратской автономной области

Ойратская автономная область, входящая в состав РСФСР, расположена в Алтае, в Западной Сибири. Ее соседями являются: с юга—Киргизская республика, с востока—Монголия. На севере и западе границами служат сибирские губернии.

386 397

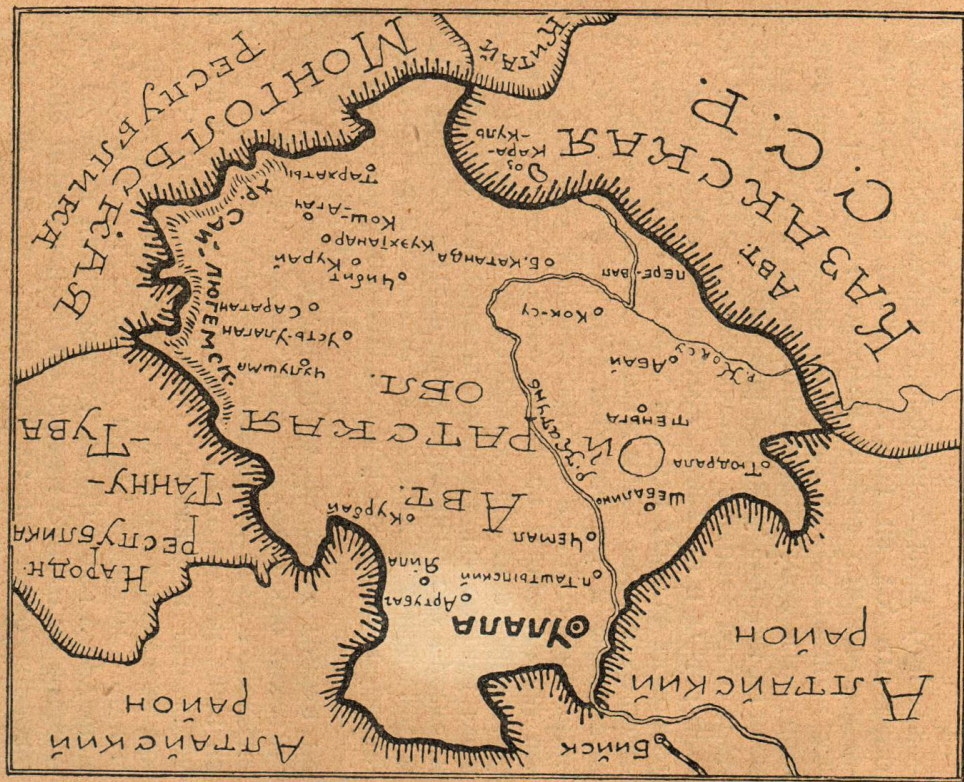
Алтай,—обширная горная страна—общим протяжением приблизительно в 90.000 кв. километров, представляет собой как бы застывшее гигантское озеро, на котором поднялись во всех направлениях могучие каменные волны. Это хребты Холзун и Сайлюгем с бесчисленными отрогами, называемыми здесь белками (главные: Катунские белки с вершиной Белухой, Южно-Чуйские белки, Теректинские белки и др.). Крупнейшие вершины, подымаясь на высоту 10—15.000 футов, т.е. над линией вечных снегов, питают целый ряд ледников и дают начало многим рекам, из которых главные—Катунь и Бия—составляют при слиянии одну из самых больших рек Сибири—Обь. Вся страна имеет типично горный характер: вершины и хребты перемежаются долинами или горными степями, изобилуют быстрыми речками, озерами (самое большое—Телецкое озеро), местами давая величественные картины и, по мнению многих путешественников, по своей красоте нисколько не уступаая прославленным Альпам. Склоны хребтов поросли лесами, состоящими

CS-910.7

почти исключительно из лиственницы, выгибающей свой исполинские ветви снизу вверх. Под защитой деревьев трава подымается мощным зеленым ковром, достигающим иногда роста человека. Леса населены типичными для сибирской тайги зверями, начиная с медведя и кончая оленем и белкой. Край очень богат полезными ископаемыми (золото, яшма, каменный уголь, руда железная и серебряная).

Алтай—одна из местностей, на которой сохранились следы пребывания первобытного человечества. Здесь имеются остатки древних рудокопных и плавильных работ. Через алтайские долины, лежащие на путях из Азии в Европу, переливались волны племен, оставивших за собой множество могильных курганов. В древности Алтай был заселен какой-то белокурой расой, вероятно, родственной финнам и вытесненной в VI веке тюркскими племенами. Монгольские завоевания XIII века, в которых тюрки приняли самое активное участие, окончательно закрепили край за тюркскими народами, образовавшимися в Западной Сибири, после ослабления и падения монголов, независимое государство. Последнее пало лишь под ударами русского колониального завоевания, начавшегося с XVI века и непрерывно охватывавшего в Сибири все новые и новые области. Завоевание собственно Алтая началось, впрочем, лишь в начале XVIII века и было продиктовано интересами хищных промышленников, открывших здесь медную руду. С этих пор край обратил на себя «особое внимание» царской России и стал быстро колонизоваться, главным образом, при помощи ссыльных. Для местного населения наступили, поистине, ужасающие времена. Не говоря уже о «законном» грабеже и произволе, практиковавшемся чиновными людьми и военными

отрядами, началась беспощадная эксплуатация местного населения при помощи испытанных

средств торгового хищничества (скупка за грошевые безделушки ценных товаров, система ростов-

щества, не стесняемого никакими пределами, слаивание и т. п.). Восстания, которыми алтайцы отбегали на притеснения, привели к тому, что они перестали иметь какие бы то ни было «права». Русские переселенцы, по словам одного из очевидцев, «селятся на их землях, забираются с оружием в руках в аулы, сжигают юрты, угоняют табуны. А дикарь не знает даже, к кому обратиться за помощью. Начальство редко заезжает в эти края, а если и бывает, то нагоняет безогчетный ужас на алтайца; чуть только слышит он звук колокольчика и в миг, бросив при дороге свою лошадь, бежит прятаться в лес, пока почтовая тройка не минует его мест».

В итоге этой отвратительной политики, обрекавшей местное население на нищету и вымирание и стремившейся вытеснить и заменить его русскими поселенцами, картина национального состава края резко изменилась. В настоящее время в Ойратской автономной республике числится около 90.000 человек, в числе которых ойраты насчитывают лишь 41,6%, русские 54,9%, киргизы 2,6 и остальные 0,9%. Само название ойраты носит несколько собирательный характер, так как эта группа включает в себя алтайцев, теленгитов, телеутов и т. д. Впрочем, долготелнее сожительство, а вернее всего общность закабаления царской Россией, создали из всех этих племен настолько однородное целое, что вышеприведенное деление получает искусственный характер. В общем, ойратов можно считать племенами тюркской расы, несмотря на то, что само название монгольского происхождения (ойраты — западные монголы).

Обратимся теперь к современному экономическому состоянию края. Оговоримся с самого начала: приводимые ниже цифры характеризуют экономику

края в целом. А при том резком разделении в экономическом укладе жизни, который существует между русским, по преимуществу оседло-земледельческим, и туземным, почти исключительно скотоводчески-кочевым населением, эти цифры, конечно, не могут быть распределены просто пропорционально их численности. Подавляющая масса зерновой продукции приходится на долю первого. С другой стороны, данные о количестве скота должны быть изменены в сторону некоторого увеличения действительных цифр для второго. К сожалению, в нашем распоряжении не имеется точных сведений о распределении всей сельскохозяйственной продукции и инвентаря между национальными группами.

Итак, при общей площади посева в 20,3 тысяч десятин, общий валовой сбор зерновых хлебов (ржи, пшеницы, ячменя, овса, гречихи, проса) выражается в количестве, примерно, 1.250.000 пудов, или около 13 пудов на душу населения. Скота (в тысячах голов) считается: лошадей—75, крупного рогатого скота—110, мелкого—200, свиней—17, или на каждые 100 хозяйств: лошадей—425, крупного рогатого скота—625, мелкого—1.100, свиней—100.

Чтобы несколько оживить эти цифры для ойратского населения, попробуем набросать схему хозяйственно-бытового уклада рядового ойрата. Основным и наиболее распространенным среди бедноты ойратским жилищем является юрта, конический шалаш из жердей, перекрытых корой. Окон в этой постройке, называемой «аланчиком», нет, а дверью служит деревянный щит. Для выхода дыма вверху вырезается отверстие. Зимой «аланчик» обкладывается навозом или снегом, так как иначе температура в нем, даже при условии поддержания непре-

равного огня, является невыносимой. Некоторым шагом вперед по сравнению с «аланчиком» является «керего» — тот же шалаш с решетчатыми деревянными стенками, обтянутыми толстым войлоком. Хотя войлок и лучше, чем кора, предохраняет от холода, — и в «керего» зимой спать не раздеваясь. Этот тип построек, заимствованный у киргизов или у монголов, распространен среди более зажиточных; деревянный щит заменяет в качестве двери шкура или кожа. Существует еще и третий тип построек, правда, распространенный лишь в самое последнее время: это уже род избы — деревянный сруб, высотой около человеческого роста, сверху покрытый конической крышей, сделанной из жердей или коры. Очаг во всех жилищах самого примитивного устройства и состоит обыкновенно из глиняной плиты, на которой и разводится огонь. В виду отсутствия окон юрта освещается или раскрываемой настезью дверью, или светом очага.

Внутреннее убранство вполне соответствует этой простоте постройки. Вся мебель состоит из вычурных сум, стоящих прямо на земле вдоль стен и заменяющих ойрату наши шкафы и комоды. Чем богаче хозяин — тем больше сум у него. На сумах устраивается постель, у зажиточных завешиваемая иногда куском материи. На полу перед очагом шкуры. По стенам развешены также шкуры, ружья, различные орудия звероловства, запасы пищи и т. п. На стене против входа расположены фетеры, а перед ними веревка с лоскутами в честь умерших предков, охраняющих, по религиозным верованиям, довольство семьи. Юрта делится на две части: налево от входа — мужская, направо — женская и детская.

В таком жилище ойрат проводит все время, свободное от занятий, основными из которых являются

скотоводство и звероловство. Дым от очага стелется по всей юрте, спирает дыхание, слепит глаза, густой копотью оседает на стенах. Грязь принимает потрясающие размеры: ойрат не знает совершенно употребления мыла и полотенца и лишь изредка поливает руки и лицо водой, просушивая их затем перед огнем. Груды навоза скопляются у самой юрты. В этой почти абсолютно антигигиенической атмосфере невероятно развиваются всякого рода паразиты: даже привычного алтайца они заставляют покидать свое жилище и перебираться в новое. И надо отметить, что это случается далеко не редко. А если к этому добавить всевозможные заболевания и особенно эпидемии, находящие, конечно, исключительно благоприятную почву для распространения, — то картина станет еще более безотрадней. Среди болезней, широкой волной разливающихся по краю, надо выделить сифилис, занесенный сюда русскими переселенцами и играющий не последнюю роль в деле физического ослабления и даже вымирания туземного населения.

Одежда ойратов-мужчин, которую они, между прочим, любят расцвечивать яркими цветами (красные сапоги, желтая шапка и т. д.), состоит из длинной рубахи и коротких, стянутых у колен, штанов. В холодное время сверху одевается суконный халат, с широкими рукавами («чокпень»), а зимой полушубок («ячи») из шкур диких коз, иногда шерстью наружу, и такие же сапоги. На голове носят круглые кожаные цветные (желтые с красным донышком) шапки, отороченные барашковым околышем, или же меховые уборы. Девочки-подростки, а иногда и женщины поверх рубах и штанов носят одежду из лошадиных шкур. Типичной для Алтая женской одеждой является «чегедэх» —

особая накидка без рукавов синего цвета. Ее носят, впрочем, лишь замужние. Головной убор—тог же, что и у мужчин,—круглая красно-желтая шапка с барашковым околышем. Дети ходят обыкновенно совершенно голыми.

Пища, преимущественно, молочно-мясная, как у всех вообще кочевников-скотоводов. Любимое национальное кушанье «тергом», бараньи кишки, начиненные кровью и крупой. Любимое питье—кумыс, запас которого почти всегда хранится в каждой юрте в особом мешке, называемом «аркыт».

Подвляющее большинство ойратов—скотоводы. Земледелие распространяется крайне медленно, и только незначительная сравнительно часть занимается им, пользуясь самыми примитивными орудиями (ручной сохой) и ведя земледельческое хозяйство в самых отсталых формах. Это в незначительной степени объясняется, несомненно, захватом русскими переселенцами лучших земель и отгеснением туземного населения в неудобные для земледелия территории. Как бы то ни было, процесс перехода ойратов к оседлому быту, хотя и медленно, но совершается, так что сейчас уже невозможно говорить о чисто кочевом укладе их быта. В ряде случаев быт получает полуседлый или даже оседлый характер, и если многие ойраты переходят с места на место, то, главным образом, в форме смены жилищ за тем или другим стойбищем. Помимо надзора за стадами, огнимающего сравнительно много времени, ойрат занимается охотой, рыболовством, пчеловодством и сбором разного рода лесных орехов и корней трав, зачастую идущих в пищу. Все свободное от занятий время ойрат проводит дома, сидя у очага и покуривая табак из длинной трубки (трубка и кiset, заткнутые за

за пояс,—непременная принадлежность одежды каждого ойрата, даже женщин), принимая соседей, или, наоборот, сам отправляется в гости к соседу. И если в окружности, радиусом до 50 верст, происходит какое-нибудь празднование—свадьба, похороны, жертвоприношение—все мужское население собирается туда, чтобы есть мясо, пить араку (местная самогонная водка из солоки) и кумыс и повидать приятелей. Только женщины и дети остаются тогда в опустевших окружных айлах (ойратское селение).

По своим религиозным верованиям ойраты—шаманисты. Весь мир, согласно этим верованиям, населен рядом добрых и злых духов, соответственно возглавляемых Ульгеном (добрым божеством, создавшим землю и положившим ее на трех китах в море), и Эрликом (злым божеством, источником всяких зол для человека). Считая себя окруженным всякого рода враждебными духами, ойрат приносит им умиловительную жертву за каждый шаг, сопряженный с трудностями. Когда-то эта жертва состояла из барана. С течением времени ойрат научился обманывать духов, набивая баранью шкуру камнями, а мясо оставляя себе. В последнее время на долю духов, вероятно, в силу обнищания населения, достаются только камни. Целый ряд трудных переправ через горные речки или опасные перевалы отмечен грудями камней, сложенных благополучно избегшим опасности ойратом. К сожалению, не все духи готовы удовлетвориться таким даром, а в особенности те, с которыми имеют дело «камы» (ойратские шаманы). А так как в условиях ойратской действительности камы являются почти единственными «врачами» (болезнь, по верованиям ойратов, вызывается вторжением в человека злых духов, с которыми борьбу

умеет вести лишь кам),—то понятно, что они не удовлетворяются «каменным» гонораром:

Христианство, усердно распространяемое православными миссионерами среди ойратов, успеха не получило. Если у них имелось известное число крещеных, то принадлежность к христианству носила исключительно формальный характер, а по существу они оставались такими же шаманистами, как и их некрещеные собратья. Разве только состав духов пополнился православными святыми, да священник стал играть роль кама со своеобразными приемами волхования (церковная служба, таинства и т. д.). Впрочем, даже и такое, чисто внешнее принятие православия не получило среди ойратов большого распространения, хотя миссионеры и прибегали для увеличения числа «обращаемых» к таким, например, приемам, как запрещение провозводить моления «языческим богам» на расставании 5 верст от селения, в котором завелся один православный туземец.

Особенностью социального общежития ойратов является родовой быт, конечно, подвергшийся уже значительным видоизменениям. Основная экономическая база родового строя—общинное скотоводство с общей родовой собственностью на табуны уже не существует. Экономической ячейкой хозяйства является семья. Однако, родовой быт сохранился в целом ряде обычаев и пережитков. В известном смысле можно утверждать, что современное социально-классовое разделение населения в значительной степени обусловлено родовым строем. Дело в том, что царская администрация в своем стремлении снизить административные накладные расходы по сбору «ясака», колониальной дани, которой она облагала туземное население, прибегла

к услугам зайсанов, родовых старшин. Естественно, что последние, соединяя в своем лице административное, судебное и экономическое управление родом, сумели при распаде родового хозяйства захватить значительную часть экономических богатств края, не говоря уже о том, что они в течение целого ряда лет обогащались за счет присвоения части «ясака», собираемого ими для русской администрации. Помимо управления, сохранившего свою родовую организацию, пережитки родового строя можно с несомненностью установить в целом ряде обычаев, главным образом, касающихся положения женщины. Об этом, впрочем, мы будем говорить подробно ниже. Сейчас же отметим только, что родовой быт оказал очень большое влияние на то подневольное, почти кабальное состояние, в котором у ойратов находится женщина.

Данное нами описание жизни туземного ойратского населения относится, главным образом, к алтайцам. Остальные ойратские народности—теленгиты, телесы, телеуты и пр. по образу жизни, обычаям и верованиями отличаются от них лишь незначительными местными подробностями. Таковы, напр., особенности свадебных обрядов, сопровождающихся особыми наговорами у теленгитов, или некоторые своеобразные формы одежды у телеутов. Кроме того, различные группы населения отличаются друг от друга по своему экономическому положению. Так, уже упомянутые нами телеуты, живущие в окрестностях главного центра Ойратской области, Улалы, перешли на оседлый образ жизни и занимаются земледелием. В связи с этим на них становится особенно заметным русское влияние, сказывающееся и в образе жизни, и в формах построек, и в покрое одежды, уже теряющих свои национальные особенности. Но если исключить эти

неизбежные отличия, набросанная выше схема бытового уклада алтайца является типичной для всего края.

2. Дореволюционная ойратка

Двойной гнет—русское колониально-экономическое закабаление края и пережитки родового строя в семейном быту лежит на плечах дореволюционной ойратки. Она раба в полном смысле этого слова. Отголоски той древней формы родового быта, когда женщина являлась такой же общей собственностью рода, как табун лошадей или стадо баранов, до последнего времени сохранились в целом ряде обычаев, закрепляющих ее рабское подневольное положение. С другой стороны, атмосфера экономического разорения ойратского населения, пришедшая с русской колонизацией, в необычайной степени ухудшила это положение, сводя ойратку на роль жестоко эксплуатируемой работницы, за счет труда которой не только жила семья, но и питались хищники русского, торгового и чиновного мира.

Характерными для выяснения положения ойратки в прошлом, в связи с пережитками родового быта, являются следующие факты. У ойратов дети не могут называть отца по имени, равно как и слова «сын» или «дочь» не употребляются в их языке, заменяясь словами «дитя» или «девочка». Историческое объяснение этого лежит в факте былой принадлежности женщины всему роду, когда мать, естественно, не могла знать отца своего ребенка, и когда само понятие отцовства не имело места. Целый ряд пережитков, сохранившихся в

семейном быту у ойратов, подтверждает правильность этого вывода. У алтайцев замужняя женщина не имеет права входить в жилище свекра дальше порога, обнажать в его присутствии голову, руки или ноги, передавать ему что-нибудь из рук в руки и вообще вступать с ним в какие бы то ни было сношения, даже если они ограничиваются простой шуткой. У телеутов женская одежда имеет специально для этой цели (не открывать головы, груди и рук в присутствии старших родных мужа) высокий ворот и узкие обшивки у рукавов, а головной убор никогда не снимается. Все эти правила были введены, несомненно, в период перехода от родового брака к личному, и имели своей задачей обеспечить мужчину от посягательства на его жену со стороны других членов рода, особенно его старших родственников. Таким образом, мы видим, что в древности за ойратской женщиной совершенно не признавались человеческие права. Она была собственностью рода, общей рабой и общей наложницей, которую род, вероятно, покупал или похищал у соседей. Этот способ купли-продажи жены сохранился и до последнего времени. При строго экзогамической системе брака (жена берется обязательно из чужого рода), жена приобретает за деньги (калым), при чем порывает всякие связи с родными и не может вернуться к ним по своей воле. Муж, конечно, полный господин и может, при желании, отправить ее обратно, но сама она является его собственностью и не имеет на это права. В случае смерти мужа она остается в его роде, как часть наследства, и даже переходит зачастую в качестве жены к его брату или другому близкому родственнику. В прежний род, к своей семье, она может вернуться только в том случае, если калым возвращен обратно, т. е. совершился

выкуп или перепродажа ее обратно. Уже один этот факт достаточно характерен для уяснения того положения, которое ойратка занимает в семье и обществе. В самом деле, можно ли говорить о каких бы то ни было экономических правах ойратки, если она является не субъектом (носителем), а объектом (предметом) владения. И действительно, мы видим в дореволюционном ойратском быту полное игнорирование женщины в смысле предоставления ей хотя бы самой элементарной экономической самостоятельности. Безусловным владельцем всего имущества семьи, в том числе и принесенного женой в качестве приданого, является муж. Она крайне ограничена в правах наследства, даже тогда, когда не находится еще замужем, после смерти отца. В этом случае все права, в том числе и право продать ее за калым, переходят к сыну, брату или другому родственнику отца по мужской линии. Надо отметить, что продажа ойратки в жены самими ойратами рассматривается почти исключительно, как экономическая сделка. По крайней мере тот факт, что обычное право предоставляет мужчине возможность брать жену до наступления половой зрелости (в 8—9 лет), доказывает, что одним из главных моментов в браке является не столько приобретение жены, сколько приобретение работницы. Ниже мы постараемся дать общую картину жизни ойратки и ее роли в трудовой жизни семьи, из которой станет ясна ценность такого приобретения для ойрата и понятно это стремление. Сейчас же отметим, что никакого участия в общественной жизни или голося в общественном управлении ойрата, конечно, не имела. Точно так же полностью она была лишена образования, даже самого элементарного. Если общий процент грамотности ойратского населения дает цифру в 6% (при 20%

грамотности русского), то для ойратки он резко опускается, давая лишь единичных представителей.

Что же сделало для облегчения этого, поистине, ужасающего положения ойратки русское «культуртрегерство», которым царская Россия, подражая идеалам колониальной политики западно-европейских империалистических держав, любила оправдывать свои хищнические завоевания. Ничего! Вернее, даже больше, чем ничего. Оно отягчило и без того тяжелое положение ойратки. Мы не говорим уже о том, что первые завоеватели Сибири, на правах «военного времени», переняли от туземцев обычай похищать женщин, проводя его только в массовом масштабе и организуя целые экспедиции, оставившие без женского населения буквально целые айлы или даже районы. Они «нуждались» в женщинах, и они их добывали, правда, за счет туземцев. По словам Белявского, «многие инородцы умирили холостыми, так как все инородческие женщины были забраны русскими». И все же главное зло было не в этом, а в том, что разорение ойратского хозяйства, пришедшее с «ясаком», собираемым алчной администрацией, и своеобразной «торговлей», практиковавшейся купцом-хищником, и общее обнищание всего ойратского населения больше всего ударило по женщине. Если раньше относительное благосостояние хоть немного скрашивало ее быт, теперь его не осталось и следа. От экономического разорения в первую очередь пострадала женщина. Не говоря уже о том, что у нее отнималась, таким образом, возможность хоть несколько приукрасить домашнюю обстановку, лучше одеться или питаться—на ее плечи перекладывалась значительная часть труда, на присвоении результатов которого строили свое хищническое благосостояние

окужавшие ойрата русские купцы и кулаки. Выкачивая из ойратского хозяйства всякого рода товарные ценности, начиная со скота и кончая продуктами охоты, они лишали ойратку, напр., молока, шедшего на выпаживание молодняка, покупаемого у туземца и оставляемого на вырост у хозяина (один из часто применяемых на Алтае способов наживы, заключающийся в том, что взамен купленного за 1 рубль теленка торговец или кулак, через 2-3 года получал целого быка стоимостью 30—50 рублей), пушнины, улотреблявшейся ойраткой на украшение юрты или изготовление одежды, и т. д. Кроме того, резкое понижение экономического благосостояния, пришедшее с русскими, естественно, вызвало и соответствующий нажим со стороны господствующей мужской части населения, выразившийся, главным образом, в повышении предъявляемых к женскому труду требований и в лишении женщины самых элементарных материальных удобств.

У ойрата родился ребенок. Если это сын, отец вырезывает маленький лук и стрелы, если—дочь, просто срезывает верхушку молодой березки, чтобы прибить над колыбелью новорожденного. Этим собственно и ограничиваются его заботы о новом члене семьи. Конечно, рождение сына представляется более значительным явлением, чем рождение дочери, объясняясь той господствующей ролью, которую играет мужчина в ойратском обществе. Впрочем, рождение дочери не вызывает острого разочарования. Во-первых, из нее вырастет ценная работница. А во-вторых, и это имеет немаловажное значение,—когда она подрастет, ее можно будет продать, т.-е. выдать замуж и полу-

чить калым в качестве платы. Как бы там ни было, ребенок находит свое место в семье, и получает в свое пользование колыбель, сделанную из коры и наполненную тряпьем. Сверху он покрывается каким-нибудь подобием одеяла или шкурой и начинает жить. Все заботы по уходу за ним, ложась, конечно, целиком на мать, ограничиваются безусловно необходимым: через известные промежутки времени он получает материнское молоко. Кормление ребенка происходит крайне неравномерно, в минуты, которые мать может урвать от своей почти непрерывной работы. В остальное время он может кричать, сколько угодно,—взрослые не обращают на него никакого внимания. А если вспомнить, что юрта заключает в себе целые полчища паразитов, что дым от очага ест глаза, а ледяная струя подползает к колыбели с каждым входящим или выходящим из помещения,—то надо отметить, что законных оснований для крика у ребенка более, чем достаточно.

Выше мы уже отметили ужасающую антигигиеничность ойратской юрты. В отношениях к ребенку, она получает так сказать гармоническую законченность. Ребенок обмывается только раз, при рождении. Этим первым умыванием и ограничивается, собственно, его знакомство с водой. В дальнейшем, его только изредка обмазывают жиром, что заменяет у ойратов умывание. Часто, одновременно с ребенком в юрте воспитываются телята, ягнята и щенята. Все отправления совершаются ими, понятно, тут же, так что атмосфера, в которой проводит свои первые месяцы ребенок, пропитана удушливыми испарениями. Не зная совершенно белья или стирки тех лохмотьев, которыми он укутан, ребенок обречен расти и развиваться в такой обстановке, которую может вынести

только очень жизнеспособный организм. Детская смертность, естественно, огромна, и именно она является одной из главнейших причин постепенного вымирания ойратов. Возможные эпидемии получают здесь широкий простор для развития. Кроме того занесенная русскими сифилис наглядно демонстрирует свое разрушительное действие на целом ряде детей, пораженных рахитом: тонкие, длинные руки, большая голова, вздутый живот и искривленные ноги очень часто встречаются среди алтайской детворы.

По мере роста ребенка, жизнь его или, вернее окружающая его обстановка изменяется очень значительно. Ребенка очень рано отымают от материнской груди и переводят сначала на коровье или лошадиное молоко, а затем на обыкновенную пищу взрослых с неизбежным «толканом» (поджаренная ячменная мука) и «тупташем», который приготавливается из кусочков теста, опущенного в кипящую воду или молоко.

С самого раннего детства у ойратки-девочки начинается сказываться ее подчиненное положение, ее женское бесправие. Прежде всего это выражается в отношениях между братьями и сестрами. Мальчик, подрастая, причащается и привыкает к презрительному обращению с девочкой, научаясь выше всего ценить свое «мужское» достоинство. Нет для него большей обиды, чем уборка юрты, вынуживание ребят или другая «женская» работа. Он рано втягивается в мужские разговоры и мужские интересы, уходит на пастьбу скота или отправляется на охоту, почерпывая в этих занятиях гордость, презрительно расценивая труд сестры, обижая и оскорбляя ее. Это различие между мальчиком и девочкой рельефно сказывается,

например, при посещении юрты каким-нибудь гостем. В то время как мальчик вертится около гостя рядом с отцом, разговаривающим, курящим или пьющим, с ним, подросток-девочка копошится где-нибудь на женской полковине, промывая баньки кишки или помогая матери готовить угощение; гости не для нее, как вообще не для женщин.

Как только и насколько позволяют ее детские силки, девочка сразу привлекается к работе по семье, лежащей, как мы уже отметили, всецело на матери. И мать, конечно, перекладывает часть этой работы на подрастающих дочерей. Доеение коров и лошадей, производящееся уже с раннего утра, переноска дров или хвороста для очага, приготовление обеда, а также кумыса и араки, изготовление одежды, надзор за детьми—вот круг работ, в который постепенно втягивается девочка, и при том в размерах, очень мало соответствующих ее физическим силам. Свободного времени, которое мальчики проводят в играх, для нее остается очень мало. Очень рано девочка привыкает украшать себя, разукрашивая свою одежду пестрыми лоскутами или шкурками, вставляя в волосы стеклярус, бисер или даже погремушки и колокольчики. Косы, вообще, являются предметом самых внимательных забот ойратки. Чем больше косы и чем они длиннее, тем больше это ценится у ойратов (ойраты-мужчины также носят косу). Короткая коса считается позором, и часто женщины выплетают в косу чужие волосы, чтобы только сделать ее более длинной и толстой. Замужние женщины носят две косы, девушки три, пять или семь (обязательно нечетное число). Когда ойратка приветствует гостя или угощает его, она притрагивается к своей косе. Это заменяет ей наше рукопожатие или поклон.

Как бы тяжело ни приходилось девочке в родной семье, будущее грозит ей еще более тяжелой участью. Как только она подрастает, часто в очень раннем возрасте (9—12 лет), она выходит замуж, т.-е. попросту продается отцом или другим главой семьи, в случае его смерти, какому-нибудь ойрату обязательно из другого рода.

Еще до самого недавнего времени продажа девочек, даже в самом младенческом возрасте, практиковалась широко, так что она продавалась не только замуж, но и просто, как работница, при чем цена иногда опускалась до рубля и ниже. В очень широкой степени этот прием практиковался русскими купцами и кулаками, введшими в ойратский обиход и еще один своеобразный способ купли рабынь под видом восприемниц (на правах духовного отца). Продажа же замуж, при условии покупки жены за калым (выкуп), является настолько типичной для ойратов, что почти невозможно говорить о другой форме брака у них. Редко, редко имеет место брак «убегом», когда ойратка решается на побег из родной семьи в виду наличия сильного чувства к какому-нибудь бедняку, который не в силах уплатить за нее калым. Сама свадьба сопровождается разным рода обрядами, в которых сильно отражаются пережитки родового строя и подчеркивается подневольное положение женщины, и неизбежным пиришеством. В некоторых местах для молодых строят юсобый шалаш из ветвей березок, и они проводят в нем безвыходно три дня.

Выходя замуж, ойратке приходится совершенно порывать с привычной обстановкой, отрываться от своей семьи и аила, при чем разрыв этот носит очень резкий характер. Она становится полной собственностью мужа. В чуждой, чаще всего вра-

ждебной обстановке она может добиться хотя бы только терпимого к себе отношения при одном условии—полном и безответном послушании. А последнее, естественно, влечет за собой такое же безответное выполнение работы, которой ее очень щедро одевают в новой семье. Не говоря уже о муже, палец о палец не ударяющим, чтобы помочь ей в работе, на нее, беспомощную чужеродку, перекладывают всю тяжесть домашней страды свекровь и золовки, пользующиеся случаем, чтобы хоть немного облегчить себя от непосильных трудов. Как мы уже отметили выше, положение женщин у ойратов во многом объясняется тем, что она прежде являлась родовой собственностью, общей рабыней и общей наложницей. Поэтому при переходе от родового к личной форме брака, на женщину был наложен целый ряд стеснительных запретов, чтобы обеспечить мужа от покушений на его жену со стороны мужчин его рода. Помимо запрещения разговаривать с другими мужчинами, отсутствие доступа в мужскую половину, особенно, когда там гости—эти запреты очень тягостны для ойратки, когда касаются ее одежды. Отмеченный уже нами обычай стягивать шею и рукава узкими плотными обшивками и постоянно носить шапочку на голове у телеуток сильно стесняет движения и не дает возможности для свободных движений даже летом. Но и помимо этих ограничений, сношения ойратки с посторонними ограничены самым строгим образом. Как хозяйка, она, правда, должна приветствовать гостя и даже поднести ему, придерживая косы рукой, т.-е. с поклоном,—араку, кумыс или чай. Но этим молчаливым приемом гостя и оканчивается, собственно, ее соприкосновение с ним. В дальнейшем хозяин уже сам угощает гостя, беседует с ним, и на долю жены приходится только

длинные хлопоты по изготовлению кушаний, чем она и занимается на женской половине. Таким же точно образом ойратка редко сама отправляется в гости. Для этого у нее нет самого главного—свободного времени. Случится ли поэтому, где-нибудь поблизости какое-нибудь пиришество по случаю рождения, свадьбы, похорон или жертвоприношения—в гости едет один муж. Общение с товарищами по аилу совершается лишь урывками: во время сбора хвороста мимоходом обменяется селейными новостями с соседкой, занятой тем же делом, что и она, или же специально отправится к ней в гости—вот примитивные и случайные формы участия женщины в общественной жизни, которые ей предоставляет ойратский быт. Даже в религиозной жизни она принимает самое ограниченное участие. Прежде всего основной религиозный обряд ойратов—торжественное жертвоприношение—совершается, обыкновенно, в какой-нибудь близлежащей долине, куда кам направляется в сопровождении одних мужчин. Единственно, когда женщине предоставляется некоторая роль в общественных церемониях,—это при похоронах. На женщинах лежит обязанность оплакать покойника, что они и выполняют, наполняя юрту, в которой находится мертвый, плачем, причитаниями и воем.

Таким образом, ойратка обречена жить в пределах интересов семьи: юрта, муж, дети и скотина—вот круг, в котором она была обречена кружиться до могилы, без всякой надежды на исход, на улучшение своего положения. А внутри этого круга—рабство, приниженность и забитость. Муж—глава и господин, к которому она должна подлаживаться, все желания которого она должна выполнять, при чем ни о каком протесте или попытках воздействовать на него, понятно, не может быть и речи.

Хорошо еще, если муж по своему характеру—и надо отметить, что ойраты в большинстве своем, по отзывам исследователей, отличаются миролюбием и мягкостью—не тиранит жену. Если же, к ее несчастью, он отличается жестокостью, ее положение становится, поистине, безвыходным. Быт и обычай не предоставляют ей тогда никаких способов противопоставить что-либо мужскому произволу, даже в случае прямого физического истязания. Вернуться назад в семью она может лишь при условии возвращения калыма, на что идут лишь исключительные семьи и в исключительных случаях. Право разойтись с женой предоставляется исключительно мужчине, который может просто отослать ее обратно. Словом, дореволюционная законность не давала ойратке в руки никакого оружия против мужского произвола и делала ее совершенно беззащитной в этом отношении.

Сильно распространены среди ойратов внебрачные связи. По словам одного исследователя «свобода половых отношений между алтайцами доходит иногда до того, что в местах многолюдных их стоянок отношения между женщинами и мужчинами иногда так переплетаются, что не разобравшись, кто с кем находится в законной или незаконной связи». И обычай и общественное мнение не ставит в этом отношении мужчине никаких запретов; даже на поведение женщины в этих случаях смотрят сквозь пальцы. Добрачные связи также имеют место до замужества и не являются решающим препятствием для выхода замуж, хотя и понижают, конечно, ценность калыма. Впрочем, в виду раннего замужества, они не получают такого широкого распространения, как внебрачные связи.

Данная выше бытовая схема жизни родовой ойратки типична для громадного большинства ойратского населения, хотя, конечно, имеется ряд отклонений в некоторых отдельных случаях. Помимо местных отличий, объясняемых племенными особенностями (см. выше о теленгитах, телеутах и пр.) в сущности являющихся малосущественными, следует отметить отличия в быту ойратки, в зависимости от той или иной степени экономического благосостояния ее мужа. В общем очерке мы уже отметили наличие довольно сильного расслоения ойратского населения. На ряду с основной массой бедняцких хозяйств, в сильной степени разоренных хищнической эксплоатацией русских купцов и кулаков, имеются и более мощные хозяйственные единицы, образовавшиеся в итоге захвата «львиной» части родового имущества при распаде родового хозяйства старшинами родов и в итоге их сращения с русским административным аппаратом в деле экономической экспроприации местного населения. Положение ойратки, вышедшей замуж или точнее купленной одним из представителей этого ойратского кулачества, естественно, изменяется к лучшему, при чем прежде всего это улучшение касается жилищных условий, условий питания и количества одежды. Надо впрочем заметить, что характерная грязь остается неизменной принадлежностью жилья, одежды и питания даже и у самых богатых ойратов.

Экономическое благосостояние мужа сказывается и на уменьшении объема работ, достоящихся на долю ойратки. Она получает возможность переложить большинство их на плечи батраков или батрачек. С другой стороны, положение жены бедняка, принужденного батрачить у своего или русского кулака, соответственным образом ухуд-

шается. Она выносит уже двойной гнет—хозяина и мужа, иногда вымещающего на ее покорности и безответственности горечь собственного существования. Мы не говорим уже об жилищных условиях, об ее питании или одежде,—эти условия таковы, что можно смело утверждать: «хуже не бывает».

Есть еще один ряд отличий, существенно влияющих на жизнь ойратки. Это, главным образом, невыход замуж. Хотя он и случается относительно редко, но все же случается. И надо отметить, что в этом случае ее положение опять-таки резко ухудшается. Прежде всего семья пытается усиленно эксплоатацией «выжать» из нее калым, которого ее лишает этот невыход замуж. В дальнейшем же она попадает в положение вечной работницы-рабы, последовательно подчиняясь сменяющимся одним другому главам дома: если умер отец, его место занимает старший брат. В наследстве она не принимает никакой или очень призрачной доли участия. Замечательно, что у ойратки нет даже представления о возможности самостоятельного экономического существования. Она просто не понимает, как может женщина жить одна, без помощи и руководства со стороны мужчины. В этом отношении ойратский обычай и быт допускают только одно исключение. Это, когда женщина становится шаманом, женщиной-камом. Так как последним, согласно религиозным представлениям ойратов, нельзя сделаться, а можно лишь быть избранным «свыше», «духами», при чем отказ от призвания карается смертью,—то не так редки случаи, когда это «избрание» падает на женщину. В этом, но и только в этом случае, ойратка может достигнуть равного мужчине значения в обществе. Ее влияние, а равно и связанное с ним экономическое поло-

жение, разрушает обычные нормы отношений между мужчиной и женщиной. В некоторых отдельных случаях женщина-кам, сумевшая проявить каким-нибудь особенным образом свое могущество в деле общения с духами и свои исключительные «силы», достигает даже преобладающего значения, получая руководящую роль и высшую авторитетность в общественном сознании. Впрочем, даже и здесь существует одно отличие между камами-мужчинами и камами-женщинами. В то время, как камы-мужчины посвящают себя и Ульгеню (доброе божество) и Эрлику (злое божество), женщина может сделаться камом лишь при условии посвящения Эрлику: доброе божество не принимает женщины в роли своей служительницы. Мелкая, но какая характерная деталь.

Наконец, последним рядом бытовых особенностей, отличающих отдельные группы ойратов, является та или иная степень русского влияния. Те из этих групп, преимущественно оседлого или полуседлого типа, на которых резче всего сказалась близость к русским переселенцам, во многом, а особенно в типе жилища, одежды и питания—принимают русские формы. Соответственным образом меняются несколько и обычные нормы бытовой обстановки, в ряде деталей приобретающей русские черты. До известной степени хотя и очень незначительно, видоизменяются и формы отношений между мужчиной и женщиной, а с ними и положение ойратки в семье и обществе.

3. Советская власть в Ойратии

С началом Октябрьской революции, едва только провозглашенные советской властью принципы национального раскрепощения угнетенных народно-

стей Союза докатились до края, в нем началось национальное движение. Но при тех неблагоприятных условиях, в которых находилась область из-за дальности расстояния и полного отсутствия связывающих Ойратию с центром железнодорожных путей,—приступить к последовательному проведению национального раскрепощения было очень трудно, тем более, что разразившаяся с началом революции гражданская война совершенно огрела область от центра. Тем не менее уже первые шаги советской власти вызвали необычайный подъем национального самосознания, и по всей области начинается национальное движение, выражившееся в организации ойратских школ и клубов. Захлестнувшая Алтай волна колчаковского контрреволюционного движения начисто смела эти первые национальные устремления; лучшие ойратские представители были убиты или посажены в тюрьму, и над несчастным краем снова засвістела так хорошо знакомая ему нагайка и грозный начальный окрик. Разница заключалась лишь в том, что в виду «большевистских» симпатий населения—меры приняли откровенно-карательный и массовый характер. Полковник Хмелевский, назначенный Колчаком главнокомандующим всеми войсками на Алтае, задался целью уничтожить здесь всякие следы революции. По всему краю кошмарной волной разлились массовые убийства, насилия, пытки. По приказам Хмелевского, главари белобандитских отрядов (Кайгоров, Лебедев, Зайцев, Шустов и др.) истребляли целые селения, предавая их затем огню. «Зараза большевизма», однако, удержалась в крае, питая партизанское движение, вспыхнувшее в тылу у Колчака. В результате гражданской войны область подверглась и страшному экономическому разорению, ибо колчаковские интенданты целыми

массаи угоняли скот. Мы не говорим уже о грабежах, принявших массовый характер.

Несчастия, постигшие край, кончились лишь с занятием Сибири Красной армией, в начале 1920 года. Однако, при организации и переустройстве административно-общественного управления на основах советизации области на первых порах чрезвычайно отрицательно сказалась та психология «завоевателей», которую политика царской России взрастила у значительной части русского населения. Дело в том, что поскольку в роли политических руководителей советов оказались, по преимуществу, местные русские крестьянские круги, еще не изжившие пережитков «завоевательной» психологии, проводимая ими линия оказалась вредной для интересов ойратского населения, без активного участия которого в экономическом строительстве не могло быть и речи о восстановлении и развитии хозяйственной мощи края. Понадобился целый ряд мер, выправляющих политическую линию и приспособляющих аппарат советской власти к специфическим условиям ойратского быта и ойратского хозяйства. Эти меры завершились введением в край автономного управления, и 1 июня 1922 г. была декретирована Ойратская Автономная область с селением Улала в роли центра. Только эта дата может, таким образом, считаться началом того длительного процесса, который знаменует подлинную борьбу за национальное раскрепощение, провозглашенное Октябрьской революцией. Подчеркнем еще раз: некоторое запаздывание в деле осуществления основных задач переустройства ойратской жизни на октябрьских началах объясняется тремя рядами причин, описанных нами выше. Это, прежде всего, географические условия, отдаляющие область от центра и делающие затруднительным

собщение с краем и внутри него (полное отсутствие железнодорожных путей сообщения и печальное состояние других дорог объясняется гористым характером страны). Во-вторых, это исторические условия, связанные, с колонизаторской политикой царской России и пережитками психологии «завоевателей» у русских поселенцев. И, наконец, в-третьих, это гражданская война. Кроме этого надо отметить отсутствие в крае промышленности, а в связи с этим и рабочего актива, являвшегося в других местностях Союза наиболее революционизирующим фактором.

Что же все же сделала для ойратов эта новая советская власть?

Прежде всего она обеспечила за ойратским хозяйством экономические позиции. Перераспределение землепользования и землеустройства на началах национализации земли, во многих случаях возвращая ойратам захваченные у них участки, обезопасило их одновременно от хищнического отеснения в наиболее глухие и неудобные территории. Процесс этого отеснения можно считать, в основном, ликвидированным. Во-вторых,—и это не менее важно—советская власть в корне преиссекла систему хищнического товарооборота, переквавившего значительную долю продуктов трудогового ойратского хозяйства в лапы торговцев кулацких слоев населения как туземного, так и преимущественно, русского. Во всяком случае, неуклонная борьба со всякого рода кабальными сделками, а главным образом развивающаяся в области кооперация и госторговля уже парализовали наиболее тяжелые проявления этой системы для рядового ойрата, и наметили вполне реальный перелом в деле организации нормального товарообмена. Уже в настоящий момент можно констати-

ровать несомненное улучшение в экономическом положении основной массы ойратского населения.

В области общественно-политической достижения не менее значительны. Во-первых, национальная автономия, открывая широчайшие возможности для национальной самостоятельности, проходит под знаком всемерной поддержки и укрепления общественно-политических позиций ойратской части населения. Обращение преимущественного к ойратскому населению внимания на медицинскую помощь, культурно-просветительную работу, реформу жилищных условий, агрономическое руководство, юридическую консультацию и т. п.—уже дает весьма осязательные результаты. Правда, нужна огромная. Нет средств, нет работников, но все же уже даже в самые глухие аймаки (уезды Ойратской области) и хошуны (волости) проникает фельдшерка, клуб, школа, ликпункт, юрта-читальня и т. д. Можно констатировать такие, напр., результаты, как обращение самого населения за медицинской помощью и отход, правда, еще очень незначительный, от знахарской практики камов или открытые, по инициативе местного населения, полки матери и ребенка в ряде кооперативов. Оговоримся еще раз: целый ряд указанных нами фактов носит еще только характер начинаний, на успешное развитие которых потребуются много средств, много работников и много времени. Некоторые из них могут быть осуществлены лишь при наличии гораздо более широкого развития национальной самостоятельности ойратского населения, чем имеется в наличии. Целый ряд явлений носит единичный характер и может быть классифицирован, лишь, как симптоматический. Но эти симптомы показательны и служат верным залогом того, что зарождающаяся ойратская советская об-

щественность преодолевает все препятствия и обещает краю широкое экономическое и общественно-культурное перерождение.

4. Положение ойратки при советской власти

Ясно, что без специальной работы, имеющей своей целью в корне перестроить отношения между мужчиной и женщиной, ликвидировать женское бесправие и женскую закрепощенность, о которой мы говорили во 2-й главе, немислима никакая реформа социально-экономической структуры ойратского общества, не может быть и речи о каком бы то ни было движении вперед по пути национально-общественного, политического и экономического прогресса. Посмотрим же теперь, как на этом смешанном фоне—на фоне бытовых отношений дореволюционной Ойратии и на фоне социально-общественной реорганизации, пришедшей с советской властью,—разворачивается работа среди женщин.

Прежде всего нужно отметить, что исходной базой и одновременно конечной целью этой работы является декларируемое советским законодательством полное равноправие мужчины и женщины. В виду несоответствия этого требования фактическим бытовым отношениям и должно добиваться специальной работы среди женщин. Ведь один декрет, как бы категорически он не определял какие-нибудь права или обязанности, сам по себе еще не в состоянии изменить человеческих отношений, особенно же там, где ему противостоят сотнями лет складывающийся обычай. Необходимо упорная, а иногда и длительная борьба за новый быт, целая система мероприятий, имеющих целью постепенное завоевание позиций. Это не значит,

конечно, что в случае какого-нибудь конфликта, разыгрывающегося на почве борьбы старого быта с новой женщиной, советская власть занимает какую-то примирительную среднюю линию, соответствующую фактически сложившимся отношениям. Наоборот, она тогда целиком, на все 100 процентов, остается на стороне не фактических, а декретированных норм. Но если налицо такого кон- фликта не имеется, то приходится бороться за введение нового порядка, главным образом, при помощи культурно-просветительной работы, за- крепляющей, напр., за женщиной сознание ее новых прав и развивающей женскую самостоятельность, на почве которой только и возможно ее действительное раскрепощение!

Объясним это на примере. На делегатское собрание в одном из айлов Ойратии выбрали делегаткой жену одного середняка. Собралась она игти—муж не пускает. Так как желание отправиться на собрание переселило в ней обычное послушание, то она запротестовала и хотела уйти, несмотря на запрет мужа. Тогда последний запер ее в сарай, а сам отправился на делегатское собрание послушать, о чем «бабы» будут говорить. На собрании в это время разбирался вопрос о том, как ухаживать за курами и повысить их яйценоскость. Муж вернулся, выпустил жену и послал ее на собрание. Вот случай, который надо внимательно рассмотреть в специфической обстановке Ойратского быта. В самом деле, самый факт насильственного удержания дома жены, конечно, незаконен, и если бы жена опротестовала его перед соответствующими инстанциями, закон и власть, безусловно, поддержали бы ее в этом протесте. Но вся суть и заключается в том, что ойратка и не думала протестовать против такого обращения с собой, считая

действия мужа вполне законными. Представьте теперь себе, что на собрании, где был муж, говорилось бы о том, что женщина имеет полное право не слушаться мужа и поступать всегда на основании самостоятельного выработанного мнения. Что сделал бы тогда муж? Он не только не пустил бы свою жену на это собрание, но и вообще запретил бы ей категорически посещать всякие собрания. Вот поэтому и приходится в основание работы среди женщин сначала класть самую общую культурно-просветительную деятельность, прояснять ее затемненное вековыми обычаями сознание, чтобы потом на основе вырастающей и развивающейся, таким образом, активности самого женского населения повести более решительную борьбу за женское раскрепощение. И надо отметить, что в Ойратии это дело культурно-просветительной работы стоит в особенно тяжелых условиях, в силу женской забитости, темноты и обычаев прошлого. В самом деле, если мы укажем, что до сих пор, например, значительная часть самих женщин стоит на почве необходимости сохранения калыма, считая, таким образом, вполне нормальным обычай купли-продажи женщин, или что в среде женщин до сих пор не может привиться ясное сознание экономической самостоятельности женщины,—то трудности работы станут во весь рост.

Значит ли вышесказанное, что основы советского законодательства в части, касающейся полного обществено-политического и экономического уравнивания женщины в правах с мужчиной, не имеют никакого значения в ойратской действительности? Конечно, нет. Поскольку советская законность дает для ойратки в ряде случаев выход, которого она совершенно не имела в дореволю-

ционных условиях,—жизненность нового правового уклада уже сейчас сказывается на отдельных фактах. Особенно это касается законов, устанавливающих право женщины на развод и получение алиментов и представляющих для нее единственный исход из того тупика, в который ее загоняли господствующие ранее порядки. Наличие таких дел в ойратских народных судах, хотя относительно и с незначительным, почти случайным процентом, свидетельствует об этом.

Другой особенностью работы среди женщин в условиях ойратской действительности является необходимость выдвигать на передний план задачу переустройства жилищно-бытовых условий, в которых живет ойратка. В самом деле, о каком культурном подеме может идти речь, если юрта и вся жилищная обстановка останутся в том ужасающем состоянии, о котором мы писали в первой главе настоящей брошюры. Борьба с грязью и нечистоплотностью, неустанная агитация за мытье посуды, стирку белья и далее за переустройство всего вообще быта, в том числе и переход на более культурные способы ведения хозяйства—вот, пожалуй, наиболее существенный участок местного фронта борьбы за женское раскрепощение. Без победы на нем нельзя мыслить и общего успеха. Тем лучше, что эта работа срастается с общей работой по подтягиванию отсталых элементов всего ойратского общества, в том числе и мужской его части. Как мы видели выше, такое направление работы среди женщин не только не восстанавливает ойратов-мужчин против участия их жен на делегатских собраниях, но иногда даже вызывает их активное содействие этой работе. По отзывам ответственных руководителей работой среди женщин в Ойратии, на каждом делегатском со-

брании всегда присутствуют, помимо делегатов, и мужчины, внимательно прислушивающиеся к докладам и беседам. Последнее имеет весьма важное значение, ибо обеспечить благожелательное или даже только терпимое отношение к работе женского аппарата со стороны мужского населения является ценным достижением в условиях ойратской действительности. Дело в том, что при том отношении к женщине, которое господствует в бытовых отношениях, и при той заботности и покорности женщины, которая имеет здесь место—активное сопротивление со стороны мужчин могло бы в сильнейшей степени парализовать, да очень часто и парализует самое удачное начинание. Для того, чтобы характеризовать это тлетворное влияние бытовой психологии, свысока и презрительно относящейся ко всему «бабскому», укажем, что даже в низовых партийных организациях эта психология имеет место. Секретаря Мюдралинской сельрайской Усть-Канского аймака спрашивают: «Кто у вас ячейковый организатор по работе среди крестьянок»—и получают такой ответ: «Не знаю, кажется, учитель». Постановление Бюро Хакасского ОК от 5 апреля 1927 г. констатирует: «В большинстве райпарткомы и ячейки работы среди делегатов не считают частью партработы; в результате руководство некоторых райкомов и ячеек надо считать недостаточным». Если таким образом, даже, в некоторых частях партийного аппарата просто «забывают» о важности работы среди женщин, то что же говорить об остальном населении, в котором старыми обычаями и традициями, привыкшем смотреть на женщину, как на собственное достоинство, во что не ставящем ее общественно достоинство.

Прежде, чем перейти к описанию работы среди женщин, отметим еще один ряд трудностей, пре-

пятствующих развертыванию этой работы в необходимом масштабе и темпе. Это—крайняя бедность в работниках. Совершенно очевидно, что для работы необходимы люди, хорошо знакомые с бытом и обычаями ойратов. Только крайне острожный подход способен привести ойратку к осознанию всей величины стоящих перед ней перспектив. Во многих отчетах по ликвидации неграмотности мы находим указания, что значительный процент ойраток, прошедших ликпункты, объясняется тем, что ойратки совершенно не идут к учителю-мужчине, стыдясь его. Этот же факт имеет место и в работе по санитарно-врачебному обслуживанию населения: к врачу-мужчине, фельдшеру-мужчине ойратки не идут. Одна эта деталь рельефно оттеняет те трудности, на которые приходится наталкиваться при создании кадра работников по работе среди ойраток. А если к этому добавить требование знания языка и быта, крайнюю бедность интеллигентными силами, к тому же по большей части выдвинутыми кулацкой верхушкой населения,—то будет легко понять, что основным условием успешности ведения работы среди женщин является необходимость создания активной работниц из среды самих же ойраток. И действительно, эта задача—задача воспитания соответствующего кадра—выдвигается женотделом, организующим здесь, как и повсюду на территории нашего союза, работу среди женщин. Если на 56 человек женорганизаторов, сельских и аймачных, приходится всего лишь 3 ойратки, то мы можем констатировать, что областные курсы женотдела в 1927 году прошло 24 ойратки из общего числа в 27 человек, что несколько ойраток отправлено на акушерские курсы, курсы патронажных сестер, одна алтайка находится в Москве,

в Коммунистическом Университете Трудящихся Востока, а в областной совпартшколе на втором курсе обучается 8, а на первом—12 ойраток. Последние цифры интересны в том отношении, что характеризуют относительно увеличивающийся темп вовлечения ойраток в учебу и подготовки женского актива из местного населения. Отметим в заключение, что недостаток и перебой в текущей работе в значительной степени приходится отнести за счет недостаточной квалификации, иногда даже просто малограмотности, некоторых низовых работников, фиксируемой отчетами женотдела.

Несмотря на все свое значение, эта работа по накоплению резервов все же носит подготовительный характер и должна обусловить в будущем более широкое разворачивание задач, разрешаемых уже и сейчас.

Основной формой работы среди женщин является так называемые делегатские собрания. Последние имеют целью выявить на началах выборности наиболее активную часть женского населения, собрать и организовать ее вокруг определенных пунктов. Воздействуя на делегаток посредством бесед, докладов и чтений по определенной программе, сообразующейся с местными условиями, удается влиять таким образом на всю массу женского населения. Дадим сначала цифры, иллюстрирующие численность и рост делегатских собраний в Ойратии за последние годы.

	1925/26 г.	На 19/1—
Делегатских собраний (пунктов)	50	56
Число делегатов	975	1156
В том числе ойраток	173	230

Таким образом, мы можем констатировать определенный рост делегатских собраний, при чем осо-

бенно отрядным является факт роста участия в них ойраток (прирост свыше 30% за 1 год). На это указывает и следующее обстоятельство. В ноябре месяце 1925 года было впервые организовано делегатское собрание среди кочевых ойраток. Первоначально в него вошло лишь 6 человек, в том

Рис. 1. Областной съезд женщин-членов сельсоветов Ойратской области. 1927 год, г. Ула.

числе 3 русских. Но уже к концу января 1926 г. число делегатов составило 27 человек, при том же количестве русских. Много усилий пришлось употребить, чтобы преодолеть инерцию и косность самого женского населения и парализовать вредное влияние различных предрабодков (многие ойратки, например, боялись выборов). Но основ-

ная работа по первоначальной организации проделана, и делегатские собрания, как ни как уже заняли свое место в ойратской действительности.

Интересно еще, конечно, как протекает работа самих собраний. По отзывам большинства руководителей, посещаемость собраний стоит очень высоко, достигая зимой 70, а летом 100%. Кроме делегатов, делегатские собрания посещают и женщины-неделгатки, при чем иногда число последних даже превышает число делегатов. Собираются собрания часто. Так, например, за 1½ месяца в урочище Кулада было проведено 6 собраний, в урочищах Балык-Туул и Кумуртак собрания также происходят еженедельно.

Основными темами делегатских собраний являются вопросы санитарного просвещения, охраны материнства и младенчества, агрономического просвещения, освещение партруботы и строительства.

Каковы же практические результаты работы делегатских собраний? Прежде всего надо отметить, что они охватывают не только делегатов. Влияние их много шире. Не говоря уже о том, что делегатские собрания посещают, и в довольно значительном числе и неделгатки, все посетительницы, обходясь в повседневном быту со своими родственницами и соседками, распространяют полученные на собраниях сведения на всю толщу женского населения. Нередки случаи, когда делегатка вешает у себя в юрте взятый на собрании плакат и разъясняет его значение собравшимся у нее женщинам. «В урочищах Балык-Туул и Кумуртак делегатки вводят чистоту в жилищах, моют посуду и сами моются и делают это показательно, т.-е. посуда чистая, но они, когда к ним заезжают, еще раз на глазах их моют». (Из отчета женотдела).

Эти и подобные им факты свидетельствуют о том, что было бы, конечно, неправильным ограничивать значение делегатских собраний задачами создания и воспитания женского актива, хотя и с этой стороны они делают большое дело. Делегатские собрания уже сейчас оказывают громадное культурное влияние на всю женскую часть населения края, перевоспитывая ее, сообщая ей новые идеи и реорганизуя быт. Это положение можно иллюстрировать целым рядом фактов помимо приведенных выше. Вот наиболее характерные из них. Делегатки Антела носят детей в больницу, отказываясь от помощи кама, и отдают их в школы. Там же 2 делегатки устроили из покинутой юрты скотный двор, говоря: «Молока будет больше и жирней будет,—так говорится в книжке и так говорилось на собрании». Одна делегатка отчитывается перед своими избирателями: «Мою посуду 3 раза в неделю, мету пол каждый день, вытряхиваю тулак» (овчинка под сиденьем). Делегатки Кулады на артельных началах выписали швейную машину. Делегатки Балык-Туола настояли, чтобы местная кооперация открыла полку матери и ребенка, обещая вывести из употребления коровьи соски. Делегатки Челушмана и Кумуртака собрали 4 пуда пшеницы, засеяли ее и убрали для делегатки засевают коллективные огороды. Мало того — раз пробудившаяся женская инициатива уже сама отыскивает недостатки и прорухи в общественных делах и добивается их исправления. В одном районе по настоянию делегаток дан школьникам кипяток, привезены дрова и произведен ремонт школы. В другом (Аносе) группа делегаток во время предвыборной кампании выявила спекулянта и добила лишение его избирательных прав. Во многих

местах делегатки приводили на перевыборы своих соседей. По вопросу о влиянии делегатских собраний на переустройство быта интересны такие, например, постановления: «Просить и уговаривать мужей строить избы, стараться ввести чистоту в юртах, следить лучше за детьми, стирать рубашки (Улаган), или такой характерный факт: алтайки урочища Гордуба постановили перейти на оседлость и склонили на это мужей.

Все перечисленные факты и множество других, рассыпавшихся за последние годы по области, еще не носят массового характера. По большей части, это — единичные огоньки, вспыхивающие то там, то здесь, по горам и долинам Алтая, в отдельных аялах или урочищах, часто гаснущие и еще не разгоревшиеся в мощное движение. Но не надо забывать, с другой стороны, колоссального революционизирующего значения этих отдельных всплесков для ойратки, заботой и далеко еще не успешней освободиться от вековой темноты и удушающего гнета дореволюционного быта. Эти всплески освещают ей путь вперед.

Делегатскими собраниями работа среди женщин не исчерпывается. Необходимо еще отметить массовые женские собрания, вечера рукоделия и пряжесиделок. Женские собрания, устраиваемые или в аймачном масштабе или по отдельным районам, в общем напоминают делегатские собрания, отгилаясь от последних лишь своим охватом. Основным кадром и здесь являются делегатки. Приурочиваются эти собрания обыкновенно к каким-нибудь значительным в ойратском быту событиям, например, празднованию женского дня или «Дня Урожая». Влияние их на переустройство быта и на вовлечение новых слоев женского населения в работу делегатских собраний подтверждается зна-

чительным повышением среди ойраток интереса к общественной работе и выявлением ряда новых женщин-активисток из их среды. Вечера рукоделия, в большинстве случаев собирающие вокруг себя женскую молодежь (Чемал) и прях-посиделок, привлекающие больше пожилых (Улала, Онгудай), также имеют успех среди женского населения, сопровождаясь беседами, преимущественно санитарно-просветительного характера, или популярными сельско-хозяйственными докладами, дающими ряд практических указаний. В 1926 г. через 12 посиделок было пропущено 265 человек. Средняя посещаемость таких вечеров выражается, таким образом, в 20—25 чел.

Особенно должна быть выделена работа жен-организаторов в отношении проведения массовых бесед. В 1926 г. таких бесед проведено 154, в том числе специально среди алтаек—39. Работа этого рода ведется и среди кочевниц при посредстве особых кочующих агитаторов. Деятельность последнего распространяется на целый аймак, причем он раз'езжает по отдельным урочищам, оставаясь в каждом 2-3 дня. Обслуживание женского населения носит, в большинстве случаев, индивидуальный характер или характер беседы с небольшим числом участников. Кочевыми организаторами проведено в 1926 г. в Онгуде 53 беседы с 367 чел., в Улагане—46 бесед с 425 ч. С марта по август 1927 г. обслужено 2.020 женщин и проведена 531 беседа.

Ярким показателем того влияния, которое вся эта работа оказывает на женское население Ойратии, является, помимо приведенных выше фактов переустройства быта, еще и участие женщин в выборах в советы. Цифры, которые мы сейчас приведем, хотя и не могут быть названы утешитель-

ными по абсолютной величине—все же подчеркивают неуклонно возрастающую активность женщин, и в этом смысле являются столь же показательными, как и примеры перехода к новому быту. В 1924 году в выборах участвовало 2.849 женщин или 15,5% к общему числу участвовавших в выборах, а в 1925 г. уже 6.498 женщин, соответственно повысивших процент участия женщин в выборах до 38,7%, т.-е. более, чем в 2 раза. К сожалению, в нашем распоряжении отсутствуют данные о процентном отношении русских и ойраток по всей области. Но вот сведения об этом соотношении по одному из районов, типичные, вероятно, и для всей области. На 1.350 всех избирательниц-ойраток приходится 845. Из этого числа участие в выборах приняло 619 женщин, в том числе 390 ойраток. Участие женщин в работе советов исчисляется следующими цифрами: в 1926 г. на аймачных съездах советов приняло участие 135 женщин (против 79 за 1925 г.), в аймачных исполкомах было 10 женщин, в ревизионных комиссиях—2 женщины, в кооперативных органах—12 и в других (школьные советы, больницы)—26 женщин. Отчеты по избирательной кампании отмечают несомненное повышение женской активности, в особенности проявленной участницами делегатских собраний. Многие делегатки приво-дили на выборы своих соседок. В ряде мест делегатки, критикуя деятельность сельсоветов и давая наказ вновь избранным, указывали, например, что «прежний состав не обращал внимания на женщин», «вдовам-беднячкам никаких льгот не хлопотал», требуя исправления этих недостатков в работе нового совета, организацией детских яслей и т. п.

Подытоживая все вышесказанное, мы должны прежде всего констатировать резкое различие между положением ойратки в дореволюционный и послереволюционный периоды. Если новой советской Ойратии досталось тяжелое наследие старого быта, в основном еще не сломленного и сейчас, если женщина и сейчас несет на своих плечах всю тяжесть домашних работ и задыхается в ужасающих условиях жилищной грязи, если сознание ее и сейчас затемнено вековой забитостью и привычкой покоряться, не рассуждая, если мужской гнет заставлял ее порой даже испуганно шархаться в сторону от протягивающейся к ней руки помощи,—все же между дореволюционной и современной ойраткой легла пропасть. Там для нее не было никакого движения, никаких надежд на изменение своего положения, никаких перспектив. Здесь все в движении, все в изменении. Независимо даже от ее желаний, ойратке не удается замкнуться в кругу привычных правил, в кругу полуживотного существования, на которое ее обрекал старый быт. Бурный рост новой общественной жизни, ломка традиционного уклада, традиционных отношений и традиционных верований, происходящая вокруг нее, не могут не отразиться и на ней. Лучшие ее товарки уже вступили на новый путь, сулящий ей впереди такие заманчивые перспективы. Она еще пока не решаетя идти за ними следом, еще робко оглядывается, прислушивается, делает осторожные шаги, чтобы при первом же намеке на опасность пугливо спрятаться в привычном женском углу юрты. Но и это ей не удается. К ней входит, к ней врывается ее соседка, охваченная пафосом строительства новой жизни, тянет ее за собой на собрание, на выборы, на беседу, восторженно демонстрирует свои дости-

жения, показывает, разъясняет, призывает, возбуждает ее любопытство, пробуждает в ней интерес и приобщает ее к великой борьбе за женское раскрепощение. Вот почему на женских собраниях раздаются такие голоса: «Надо помогать советской власти», «советская власть якши», (хороша), «если война будет, Алтай пойдет воевать; другой власти не надо». Еще не обладая фактически всей политической прав советской женщины, еще только выходя на великий путь нового строительства,—она уже тесно связывает свою судьбу с судьбами советской власти, она уже твердо, безошибочным классовым инстинктом, знает, что только с этой властью ей по дороге, что только эта власть может обеспечить ей будущее.

Если, таким образом, содействие широких женских масс, их полное и безоговорочное сочувствие и пробуждающаяся к активности женская самостоятельность гарантирует советской политике твердую базу, то тем печальнее становятся те очевидные недостатки и пробелы в работе среди женщин, которые имеются только там, где ничего не без ошибок обходятся только там, где можно избежать, и которые, во всяком случае, надо спешно исправлять. К числу такого рода ошибок и надо отнести некоторые недостатки по работе среди ойраток.

Во-первых, это совершенно недостаточный размер работы по здравоохранению населения, в частности, по охране материнства и младенчества. До последнего времени, согласно имеющимся у нас сведениям, имеется опыт лишь с одними детскими яслями, открытыми в одном из ойратских урючищ, на средства Красного Креста Сибддрава. Начиная это, которому суждена, без сомнения, громадная роль в деле раскрепощения ойратки, с первых

же шагов показало всю свою жизненность. За июнь месяц 1926 г., когда ясли были открыты, через них прошло 194 ребенка, в том числе 36 ойратских. Но уже в августе число ойратских детей стало увеличиваться вдвое. В ряде районов само женское население выдвигает требования об организации яслей и об устройстве в кооперативах полок матери и ребенка (т.-е. подбор всякого рода изделий, как-то сосок, губок для обмывания, обеспечивающих нормальный гигиенический уход за ребенком). Между тем, работа в этой области развивается все же недостаточным темпом. Недостаток средств и работников, конечно, объясняет это замедление, но все же ни в коем случае не исключает необходимости в усилении внимания, в «средоточении огня» на этом участке женского фронта.

Во-вторых, совершенно неудовлетворительно обстоит дело с ликвидацией среди ойраток неграмотности. Отчеты отмечают слабую женскую посещаемость тех пунктов, где ликвидаторами работают мужчины. Кроме того, единодушно подчеркивается отсутствие литературы, недостаток плакатов и др. пособий. Как бы то ни было, необходимо усилить работу по ликвидации неграмотности, может быть, создавая особые женские ликпункты, как это предлагают сделать некоторые делегатки из среды ойраток. Правда, в последнее время работа по ликвидации неграмотности несколько оживляется и приняты меры к обеспечению пособиями (заказаны плакаты и обложеноделом выпущено 5 брошюр на алтайском языке). Все же общая цифра в 362 женщины на 1231 обучающихся явно недостаточна и не соответствует как соотношению полов в Ойратии, так и более низкому проценту грамотности у женской половины населения Ойратии.

В-третьих, почти отсутствует работа по привлечению ойраток в кооперацию. Не говоря уже о полном почти отсутствии участия ойраток в организациях кооперативного управления, даже число ойраток, членов кооперации, совершенно ничтожно и измеряется ничтожными цифрами.

В-четвертых,—и это очень важно,—участие ойраток в судопроизводстве, в качестве нарзаседательниц, ограничивается единицами (18 за 1926 г.). Это явление ненормальное, особенно, если принять роль суда в деле защиты женских прав, в деле ликвидации дореволюционных отношений между женщиной и мужчиной на основе новой советской законности. В Урале, правда, работает еще правовая секция обложенодела, охватывающая 25 женщин, по преимуществу русских (20 из них уже вели практическую работу в качестве общественных обвинительниц и защитниц). Но этого, конечно, недостаточно. И на этом участке необходимо развить более энергичную деятельность.

Наконец, в-пятых, должна быть развита энергичная антирелигиозная пропаганда. Религиозные представления ойратки, затемняя ее сознание и держа ее в непрерывном страхе, имеют крайне отрицательное влияние на процесс ее освобождения и являются в то же время весьма грозным оружием в руках камов, естественно восстановленных против политики советской власти. Последняя противостоит политике их знахарскому шарлатанству—большинству, их фантастическим объяснениям различных явлений—популярную книжку, их практике умилостивления злых духов, в случае каких-либо хозяйственных невзгод—сельскохозяйственную учобу. Возможно, что недостаточно энергичная борьба в этой области объясняется боязнью резко восстановить прогив себя камов с их могущественным влия-

нием на отсталые группы населения. Но, с одной стороны, камы, представляя собой верхушку прежнего общества и являясь хранителями прежнего бытового уклада, все равно будут бороться против женского раскрепощения, в каких бы оно формах не происходило. А с другой, советской власти не по пути с камами, даже если они не занимают враждебной позиции. Сейчас, когда основные резервы уже накоплены, дело антирелигиозной пропаганды должно быть двинуто в боевом порядке.

Как мы видим, недостатки в работе есть. И недостатки эти иногда значительны. Тем не менее, оглядываясь на пройденный путь, подчитывая победы и поражения, оценивая врагов и союзников, мы можем с твердой уверенностью констатировать, что на почве бесспорного оживления активности женского населения Ойратии, пробуждения его творческой самостоятельности, — великое дело раскрепощения женщины этой маленькой, такой несчастной в прошлом страны, выходит на широкую дорогу.

А в раскрепощении ойратки — залог общественно-политического и экономического расцвета Ойратии.

При написании настоящей брошюры, помимо этнографических трудов автором использованы материалы, предоставленные Научной Ассоциацией Востоковедения при ЦИК СССР и Отделом Работниц и Крестьянок ЦК ВКП (б).

Переучет
1961 г.

1956

ПЕРЕУЧЕТ
1961 г.

№ 84
№ 90

1966г.